

**ОБЪЯСНЕНИЕ ГЕНЕЗИСА ФИЛОСОФИИ КАК ПРОБЛЕМА:
ИСТОКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАТРУДНЕНИЙ**

Настоящее исследование носит методологический характер и направлено на анализ некоторых теоретических затруднений, возникающих в процессе поиска решения проблемы генезиса философии. Рассматриваемые трудности коренятся в самой формулировке проблемы. Их источник – многообразие и неопределенность существующих ответов на вопросы: «что такое философия?», «что такое причинность?», «что такое проблема?».

Ключевые слова: методология, генезис философии, причинность, история, проблема, объяснение, логика и методология истории.

В данной статье мы попытаемся взглянуть с максимальной методологической дистанции¹ на некоторые свойства проблемы генезиса древнегреческой философии (ПГДФ) как на условия ее сложности. Следует заметить, что далеко не все заинтересованные специалисты характеризуют указанную проблему как трудную для разрешения. Некоторые даже утверждают обратное. Так, Ф. М. Корнфорд с первого взгляда распознает в ПГДФ очень перспективный вопрос (в смысле возможности отыскания ответа). Многие другие исследования, посвященные истокам культурных явлений, находятся, по мнению Корнфорда, в худшем положении, поскольку имеют дело с дописьменными традициями, теряющимися в доисторической мгле. А генезис греческой философии отображен в сохранившихся фрагментах текстов древних мыслителей и в доксографических свидетельствах; он вполне принадлежит истории и этим отличается, например, от процесса возникновения гомеровского эпоса [Cornford, 1957. P. 1].

Признавая вслед за Ф. М. Корнфордом относительную (хотя далеко не исчерпывающую!) обеспеченность исследования ПГДФ текстуальными свидетельствами, мы также уповаем на принципиальную разрешимость проблемы. Однако любая проблема по определению несет в себе скрытые

препятствия и явные тупики, осложняющие поиск ее решения. Проблема – это трудно-разрешимая задача или вопрос, ответ на который не лежит на поверхности человеческого знания [Горан, 2007. С. 5; Берков, 1979. С. 47–58]. Как правило, проблема имеет сложную структуру (раскладывается на подзадачи, причем неоднозначным образом). Проблемные вопросы отличаются от прочих недостатком информационных и методологических средств, необходимых для их разрешения. Впрочем, существуют и другие традиции употребления слова «проблема». Б. С. Грязнов проблемой называет не настоящий вопрос, на который исследователь ищет ответ, а вопрос, реконструируемый задним числом после того, как закончено построение теории. Ответом на проблему служит вся теория в целом, а исследователь решает более частные вопросы-задачи (для Грязнова проблема и задача суть разные вещи). Проблема, в понимании Б. С. Грязнова, не предполагает разрешения: она является итоговым представлением результатов познания, а не исходным пунктом познавательного процесса [Грязнов, 1982. С. 111–118]. Нам кажется, что этот взгляд на проблему близок к распространенному пониманию проблемы как предметно упорядоченной совокупности высказываний: когда в научно-философских контекстах заходит речь о вопросах философии и про-

¹ Методологическая дистанция здесь – степень удаленности от предметного содержания рассматриваемой проблемы.

блемах эволюционной биологии, то, скорее всего, под «вопросами» и «проблемами» подразумеваются «успехи» или «разговор на тему». Важно не путать данный способ словоупотребления с «конфликтным»² истолкованием проблемы.

Вопрос о происхождении философии в Греции в полной мере наделен всеми признаками трудноразрешимой задачи, в некотором отношении этот вопрос даже более труден, чем изучение истоков гомеровского эпоса. Отсутствие общепризнанного решения ПГДФ признают многие специалисты (см., например: [Wilbur, Allen, 1979. P. 1; Ляховецкий, 1997. С. 191–194]). В чем же заключается сложность данного вопроса? Чтобы приступить к разработке проблемы происхождения греческой философии, необходимо для начала осмыслить ее формулировку. Словосочетание «проблема генезиса древнегреческой философии» содержит по крайней мере три очень непростых слова: «проблема», «генезис», «философия». Начав наше рассмотрение с краткого анализа проблематичности последнего слова, мы закончим его относительно подробным разбором сложностей, сопряженных с понятием генезиса.

Представить себе, что такое гомеровский эпос, при всей условности его создателя, гораздо проще, чем определить границы и существенные признаки того возникающего объекта, с которым имеют дело исследователи ПГДФ. Очевидно, что неодинаковые рабочие дефиниции философии в итоге должны приводить к различным версиям ее генезиса. Даже момент времени, определяемый как историческое начало явления, варьирует в зависимости от принятой дефиниции последнего [Блок, 1986. С. 20]. Родовую сущность философии нередко сводят к какому-нибудь одному из ее законных аспектов: к форме знания, совокупности идей, виду деятельности, текстам, языку, состояниям сознания или культурной традиции. В случае такой редуцированной трактовки процедура распознавания моментов становления философии в исторической реальности может оказаться сравнительно простой, однако полученное решение ПГДФ будет односторонним и потому неудовлетвори-

тельным. Широкая трактовка философии как многоаспектного целого (как формы общественного сознания, например) кажется нам предпочтительной, поскольку не исключает возможность полномасштабного разрешения ПГДФ. К сожалению, многоаспектное представление о философии труднее построить и соотнести с исторической эмпирией. Ни сама философия, ни ситуация ее генезиса не даются нам в ощущениях непосредственно. Стало быть, необходима реконструкция, причем «удельный вес» реконструируемых в ходе исследования ПГДФ фрагментов будет очень существенным. Всякая реконструкция исторического прошлого является междисциплинарной задачей [Уйбо, 1990]. Что же касается проблемы генезиса философии, то она находится на стыке интересов философии, истории, классической филологии, семиотики, религиоведения и других дисциплин. Междисциплинарность проблемы требует от ученого умения грамотно сочетать многочисленные аспекты реконструируемого явления и применять методы из разных областей познания. Это, несомненно, усложняет исследовательский труд. Кроме того, любая реконструкция подразумевает определенный произвол со стороны того, кто ее осуществляет. Неизбежный субъективизм реконструкций в сочетании с обилием реконструируемого материала затрудняет выработку приемлемого для большинства исследователей ПГДФ решения вопроса.

Ограничившись беглым обзором пересечения проблемы спецификации философии с ПГДФ, вернемся ненадолго к обсуждению уже описанных выше разночтений, касающихся слова «проблема». Нам представляется, что эти разночтения способны при определенных условиях тормозить разработку любых вопросов, в том числе и ПГДФ. Негативный эффект проявляется, когда в сознании исследователей сливаются два несовместимых представления о проблеме, причем таким образом, что непринужденно-расслабленный «разговор на тему» оказывается на том месте, где полагалось бы быть целенаправленным поискам решения и ответам на поставленные вопросы. Частный случай этой опасности – так называемое «эмбриогеническое наваждение» – рассматривает М. Блок. Он предостерегает историков, изучающих истоки явлений, от смешения двух исследовательских операций –

² Под конфликтом мы подразумеваем несовпадение двух эпистемических ситуаций – реальной и желаемой.

простого указания на начало явления и каузального объяснения этого явления: «В обиходном словоупотреблении “истоки” – это начало, являющееся объяснением. Хуже того: достаточное для объяснения. Вот где таится двусмысленность, вот где опасность» [Блок, 1986. С. 20]. Ясно, что предостережение М. Блока может быть адресовано исследователям ПГДФ.

Допустим, что проблему происхождения философии мы понимаем как установку на получение ответа, а не просто как разговор о начальных этапах философской мысли, представленных нашему вниманию в сохранившихся фрагментах греческих философов и в исторических свидетельствах существования последних. В этом случае, ориентируясь на ключевое слово «генезис», следует реконструировать стержневой (проблемообразующий) элемент ПГДФ. Это, на наш взгляд, вопрос о *причинах* появления философии. Ведь возникновение древнегреческой философии изначально предстает перед своими исследователями как историческое событие (процесс, изменение) локализованное в пространстве и времени. Проблема генезиса философии вырастает из потребности объяснить *событие*, а объяснения такого рода в первую очередь подразумевают выявление причинно-следственных связей между данным событием и другими событиями, более ранними [Гулыга, 1969. С. 29; Блок, 1986. С. 108–112]. Пересечение ПГДФ с темой причинности погружает исследователей начала философии в очень запутанную область философской мысли. Уже в учении Аристотеля о причинах содержится известный запас онтологической неоднозначности. Юм и Кант обогатили спектр возможных представлений о причинности субъективистскими трактовками, усугубив тем самым онтологическую неопределенность и дополнив ее гносеологическим пессимизмом. Указанные онтологические и гносеологические тенденции в понимании причинной связи существуют по сей день, способствуя вытеснению понятия причины представлениями о разных формах структурной детерминации. Если рационалисты XVII–XVIII вв. безотчетно-синкретическим образом отождествляли причинную связь и логическое следование [Бунге, 1962. С. 264–265], то позитивисты и структуралисты XX в. устраняли представление о причинности из научно-методологического

обихода вполне осознанно, заменяя его понятиями функции и структуры. Отдельные представители других направлений мысли действовали в том же ключе, не будучи официальными приверженцами позитивизма либо структурализма³. Заметим, что в методологии общественных наук идея исторической причинности вытесняется из понятийного арсенала исследователей не только понятиями структуры и функции, но и понятиями мотива, нормы, цели (см.: [Дрей, 1977]).

Описанная тенденция проявляет себя на уровне разработки ПГДФ: во многих историко-философских работах задача выявления источника / источников первичных философом неправомерно смешивается с задачей поиска причин возникновения философии. Первая задача предполагает главным образом изучение структурно-синхронических аспектов детерминации начала философии, вторая – изучение диахронно-генетической подоплеки зарождения философии. На неразличение этих двух видов детерминации как на ошибку указывают О. А. Донских и А. Н. Кочергин [1993. С. 47]. Авторы считают, что причинно-генетические аспекты детерминации трудней выявляются и слабее изучены, чем структурные моменты происхождения греческой философии [Там же]. С этой мыслью можно согласиться, но лишь отчасти. Исследование причин генезиса философии в контексте ПГДФ действительно таит в себе немалые трудности. Однако без реконструкции причинной цепи событий на основании одного только сходства структур практически невозможно отличить истинный источник (носитель прообразов философской мысли) от множества ложных претендентов на роль источника – носителей случайных параллелей, порождений самой философии и явлений общего с философией корня. А это значит, что изучение структурной детерминации философии обречено оставаться незаконченным без знания причин.

³ Так, Б. А. Грушин в книге «Очерки логики исторического исследования» истолковывает связи генезиса и развития как структурные связи, развернутые во времени [Грушин, 1961. С. 71, 88]. Видный представитель исторической школы «Анналы» Ф. Бродель довольно пренебрежительно высказывается об игре «в причины и следствия, излюбленной историками прошлого» [Бродель, 1977. С. 119], при этом он рассматривает исторический процесс как движение структур во времени [Там же. С. 136].

В идеале структурно-функциональные и каузально-генетические объяснения должны друг друга дополнять [Горан, 2007. С. 201]. Но взаимодополнительные отношения между структурными и генетическими объяснениями не исключают иерархии. Вопрос о структурных *источниках* философии в контексте ПГДФ мы рассматриваем как вторичный и вспомогательный, вопрос о *причинах* – как основной. Связь между двумя видами объяснения еще не дает нам повода воспринимать их синкретически нерасчлененным образом, равно как и подменять одно объяснение другим. Следовательно, решению ПГДФ должна предшествовать разработка представлений о причине и причинном объяснении, удобных для различения каузальной (диахронно-генетической) и структурной детерминации явлений.

На первый взгляд может показаться, что Карл Гемпель является сторонником использования причинного объяснения как в естествознании, так и в истории. Однако такое видение ситуации едва ли соответствует реальному положению дел. Гемпель не избегает говорить о причинах: причиной, согласно Гемпелю, являются исходные условия (часть эксплананса), если общий закон (другая часть эксплананса) свидетельствует о необходимой связи между «причиной» и «следствием» [Гемпель, 1998. С. 89–91]. Однако логическая форма гемпелевского объяснения (модель «охватывающего закона») не позволяет эффективно различать причинное объяснение и функциональное, оба вида объяснения вписываются в эту форму. А различать их иногда бывает важно: действительное указание на причинную связь между явлениями вскрывает механизм генезиса исследуемого объекта, представляя последний как «прозрачный ящик», в то время как установление функциональной зависимости (открытие закона Ньютона, например) оставляет объект научного интереса (тяготение) «черным ящиком» [Расстригин, Марков, 1976. С. 213–214].

Я. Керанен и У. Сальмон, подкрепляя свою точку зрения ссылками на высказывания ряда авторов, утверждают, что указание на причины – базовая разновидность объяснения. То, что причинность плохо формализуется – скорее повод отказаться от формальных схем объяснения, чем от принципа причинности. Авторы полагают, что недо-

оценка специфической роли причинности приводит к неразрешимым проблемам в гемпелевской теории объяснения; ситуацию не спасает даже модификация схемы Гемпеля, предложенная Я. Хинтиккой и И. Халоненом⁴. Главный источник трудностей Керанен и Сальмон видят в том, что модель Гемпеля не позволяет дифференцировать истинные каузальные объяснения от некаузальных (функциональных и случайных⁵) объяснений [Keranen, Salmon, 2005. P. 130, 136–139, 147].

Карл Гемпель не исключает возможность использования своей объяснительной схемы в работе историков, он только говорит о вероятностном характере и неполноте исторического объяснения [Гемпель, 1998. С. 89–93]. В отличие от Гемпеля Я. Хинтикка считает объяснение методологической прерогативой естественно-научного исследования. Историки, с его точки зрения, довольствуются процедурой восполнения лакун в повествовании, неким суррогатом объяснения в историческом исследовании (цит. по: [Halonen, Hintikka, 2005. P. 16]). Я. Хинтикка придерживается строгого взгляда на объяснение: то, что Гемпель называет неполным объяснением, Хинтикка не считает объяснением вообще. Если рассуждать в терминологии Хинтикки, то генезис философии не подлежит объяснению, он может быть только описан более или менее связным образом. Преимущества такой ограниченной трактовки объяснения для нас неочевидны. В данной статье мы понимаем объяснение достаточно широко, что в принципе не мешает дифференцировать различные виды и способы объяснения.

Теория объяснения, известная как модель «охватывающих законов», была создана К. Поппером, К. Гемпелем и П. Оппенхеймом в середине прошлого века, однако споры по поводу этой концепции не утихают до сих пор. И среди современных специалистов в области философии истории имеются сто-

⁴ Модификация предполагает перенесение акцента с объяснения-результата на объяснение-процесс, в котором ключевая роль отводится не «охватывающим» законам, а «фоновым» (background) теориям.

⁵ Пример случайного псевдообъяснения: «Употребляющие противозачаточные средства не беременеют (общий закон). Данный мужчина принимает противозачаточные средства своей жены (исходное условие). Следовательно, этот мужчина не беременеет в силу того, что принимает противозачаточные средства жены» [Keranen, Salmon, 2005. С. 139].

ронники включения гемпелевской схемы в арсенал средств исторического познания [Розов, 2002. С. 406–408]. Что же сказать по поводу возможного применения модели «охватывающих» законов к разработке ПГДФ? Из вышеизложенного ясно, что гемпелевская схема игнорирует специфику порождающего аспекта причинной связи. Следовательно, любая попытка использования гемпелевской схемы чревата ошибками при распознавании причин и грозит выродиться в чисто декоративный способ оформления мысли. Исторические приложения модели Гемпеля сулят особые трудности. Классический вариант общего закона – эмпирическое обобщение, подкрепленное статистикой. В естественных науках работа с объектом как с «черным ящиком» и установление функциональных зависимостей путем статистической обработки данных является эффективным способом изучения объектов. В некоторых условиях наличие системы подтвержденных зависимостей служит основанием для раскрытия структуры объекта и выдвижения причинного объяснения. Так объект переходит из разряда «черных ящиков» в разряд «прозрачных ящиков» [Растригин, Марков, 1976. С. 156]. Можно сказать, что пересечение рядов функциональных зависимостей иногда позволяет делать заключения о причинах. Однако едва ли разумно было бы говорить о генезисе греческой философии как о случае в рамках общей статистической закономерности появления философии. Такая закономерность не может быть установлена. Согласно мнению большинства историков философии, автохтонное возникновение философии имело место в трех регионах: в Греции, Китае и в Индии [Lloyd, 1979. P. 125; Чанышев, 1982. С. 5–10]. Всего три случая, один из которых мы должны объяснить, – этого мало для статистики, для работы с ситуацией генезиса философии по схеме «черного ящика» и для объяснения генезиса философии в соответствии с моделью Гемпеля. Как возможно изучение столь редкого события, как генезис философии? Нам представляется, что некоторые закономерности появления греческой философии, основанные на сходстве и повторении событий, все-таки можно отследить (если не со статистической достоверностью, то хотя бы с долей правдоподобия). В качестве средств достижения означенной цели мы предлагаем следующие

приемы, расширяющие область рассматриваемых ситуаций:

а) учет наиболее репрезентативных «случаев отсутствия» – анализ опыта высокоразвитых цивилизаций, в которых философия не возникла автохтонно, несмотря на наличие ряда благоприятствующих обстоятельств;

б) дробление события генезиса греческой философии на отдельные фрагменты – события более мелкого масштаба, часто повторяющиеся в истории и объясняемые посредством некоторых законоподобных утверждений (примерами таких мелкомасштабных событий могут служить усиление индивидуализации в обществе или изменение престижа какого-нибудь рода деятельности);

в) обобщающий взгляд на генезис философии, поднимающий ситуацию «греческого чуда» до уровня системных, семиотических и глобально-эволюционных закономерностей; появление философии в данном случае рассматривается как формирование новой подсистемы в системе культуры либо как возникновение нового уровня управления информацией (генезис знаний о знаниях и эволюция нервной системы живых организмов суть частные реализации одних и тех же общих закономерностей).

Таким образом, вместо одного красиво «упакованного» в схему Гемпеля объяснения мы можем получить целый ряд «объяснительных скетчей»⁶ по поводу генезиса философии. Что с ними делать дальше и как отличить релевантные указания на причины от псевдообъяснений? В условиях дефицита эмпирических данных для построения и сопоставления причинных гипотез может оказаться полезным метод «квазипрозрачного ящика»: создание максимально полной и в то же время максимально «экономичной» реконструкции причинного механизма, связывающей воедино разные условия возникновения философии⁷. Сочетание полноты и экономичности должно достигаться за счет взаимной согласованности деталей картины генезиса философии, за счет убедительной проработки предполагаемых «стыков» в це-

⁶ Выражение, используемое Гемпелем для неполных и ненадежных исторических объяснений.

⁷ «Квазипрозрачный ящик» – непрозрачный или малопрозрачный объект, в котором мы предполагаем (без достаточных на то эмпирических оснований) наличие определенных деталей и связей.

пях причинения. Указание на *гипотетический* механизм причинного взаимодействия мы полагаем тем способом, который поможет исследователям генезиса философии выпутаться из плена псевдообъяснений.

Очевидно, что задача реконструкции причин возникновения греческой философии не обещает легкого разрешения. Как было отмечено выше, некоторые методологии науки принципиально отрицают возможность причинного объяснения в истории. Но даже за пределами исторических исследований причины трудноуловимы. Причинность плохо поддается формализации и ускользает от эмпирических процедур; философы не могут договориться друг с другом, обсуждая онтологический статус причинности и характер связи между причиной и следствием. Вычленение причинных факторов из множества сопутствующих обстоятельств – процесс, в котором присутствует изрядный момент субъективности и произвола. «Когда мы ищем причину несчастного случая, мы пытаемся найти те особые события, которые мы можем в какой-то степени контролировать» [Патти, 2002. С. 142–144]. Эта субъективность неизбежно оборачивается разбросом мнений, затрудняет сравнение и оценку исследовательских достижений.

Подведем итоги. Трудности, заложенные в неоднозначном понимании проблемы, философии и причинности (в том числе исторической причинности), встают преградой на пути того, кто пытается разгадать тайну «греческого чуда» и разобраться в хитросплетениях генезиса философии. Мы надеемся, что эта преграда преодолима, хотя до сих пор ПГДФ упорно «сопротивлялась» исследователям. В результате «сопротивления» проблемы вокруг нее сформировалась вторая волна трудностей: методологическая растерянность, освященное традицией смещение понятий, путаница вопросов, веками накопленный опыт применения нерелевантных средств разрешения проблемы. Инвентаризацию и анализ вторичных трудностей разработки ПГДФ мы планируем осуществить в последующих публикациях.

Список литературы

Берков В. Д. Научная проблема: (Логико-методологический аспект). Минск: Изд-во БГУ, 1979. 127 с.

Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.

Бунге М. Причинность. М.: Изд-во «Иностранная литература», 1962. 512 с.

Гемпель К. Функция общих законов в истории // Вопр. философии. 1998. № 10. С. 88–97.

Горан В. П. Теоретические и методологические проблемы истории западной философии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 269 с.

Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования М.: Высш. шк., 1961. 214 с.

Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982. 256 с.

Гулыга А. В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969. С. 7–50.

Донских О. А., Кочергин А. Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. М.: Изд-во МГУ, 1993. 240 с.

Дрей У. Еще раз к вопросу объяснения действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.

Ляховецкий Л. А. Магистраль и периферия в проблематике происхождения философии. М.: Изд-во Фин. акад. при Правительстве Рос. Федерации, 1997. 295 с.

Патти Г. Причинность, контроль и эволюция сложности // Причинность и телеономизм в современной естественнонаучной парадигме. М.: Наука, 2002. С. 137–154.

Расстригин Л. А., Марков В. Л. Кибернетические модели познания. Рига: Зинатне, 1976. 267 с.

Розов Н. С. Динамика развития философии и социальных наук // Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений. Новосибирск, Наука, 2002. Вып. 2: Теоретическая история и макросоциология. С. 365–345.

Уйбо А. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача // Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по философии. 1990. Вып. 35. С. 76–92.

Чанышев А. Н. Начало философии. М.: Изд-во МГУ. 1982. 184 с.

Cornford F. M. From Religion to Philosophy. N. Y.: Harper & Row, 1957. 275 p.

Halonen I., Hintikka J. Toward a Theory of the Process of Explanation // *Synthese*. 2005. No 143. P. 5–61.

Hintikka J. The Varieties of Information and Scientific Explanation. Logic, Methodology and Philosophy of Science III / Eds. B. Van Root-selaar, J. F. Staal. Amsterdam: North-Holland, 1968. P. 311–331.

Keranen J., Salmon W. Explanatoriness: Cause versus Craig // *Synthese*. 2005. No. 143. P. 125–147.

Lloyd G. E. R. The Social Background of Early Greek Philosophy and Science // Lloyd G. E. R. *Methods and Problems in Greek Science*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. P. 121–140.

Wilbur J. B., Allen H. J. The Worlds of Early Greek Philosophers. N. Y.: Prometheus Books Buffalo, 1979. 280 p.

Материал поступил в редколлегию 16.02.2009

L. M. Zelenkina

**THE EXPLANATION OF PHILOSOPHY GENESIS AS A PROBLEM:
SOURCES OF RESEARCH DIFFICULTIES**

This methodological study is directed at the analysis of certain theoretical difficulties, which appear in the course of investigation the problem of philosophy origin. Concerned difficulties are rooted in the formulation of the problem. Their source are diversity and uncertainty of the responses to questions: «what is philosophy?», «what is causality?», «what is a problem?».

Keywords: methodology, origin of philosophy, causality, history, problem, explanation, logic and methodology of history.